

ЦВЕТОЗВУК (франц. *audition colorée* — "[цветной](#) слух") — понятие, которое использовал русский художник [абстракт](#)

[ного искусства](#)

[Василий Васильевич Кандинский](#)

(
1866—1944
) в своей
теории
психического воздействия

[красок](#)

, в частности в книге "

О духовном в

[искусстве](#)

", изданной в 1911 г. на немецком языке (
в 1902—1914 гг.

[Кандинский](#)

жил и работал в Германии

).

В 1911 г. на Всероссийском съезде художников текст книги в форме доклада на русском языке зачитал футурист Н. И. Кульбин. Идеи психологического соответствия восприятия [ЦВ](#)

[етов](#)

и звуков в

природе

и

[искусстве](#)

не новы, они основаны на идентичной природе восприятия колебаний электромагнитного поля в акустическом и зрительном диапазонах.

Подобные аналогии [символически](#) толковались в истории культуры. [Кандинский](#) использовал также понятие "

внутреннего звука

", некой

духовной

вибрации, которую вызывает

[краска](#)

определенного

[цвета](#)

. В книге "
О духовном в
[искусстве](#)

"
[Кандинский](#)
писал:

"Киноварь привлекает и раздражает, как пламя, на которое непременно жадно смотрит человек. Яркий лимонно-желтый [цвет](#) причиняет после известного времени боль, как уху высоко звучащая труба. Глаз начинает беспокоиться, не может долго выдержать воздействия и ищет углубления и покоя в синем или зеленом". При этом автор замечает, что ему представляется "более правильным говорить почти всецело о

[краске](#)

, а не о

[цвете](#)

, так как в понятие

[краски](#)

, кроме

[абстрактного](#)

[цвета](#)

, входит и материальная ее консистенция".

Некоторые [краски](#), продолжает [Кандинский](#), воспринимаются бархатистыми (например, темный ультрамарин

,
зеленая

окись

хрома

,
краплак

), другие — жесткими, колючими (

зеленый

кобальт

).

"Наконец, слышание [цвета](#) так определено, что не найдется, может быть, ни одного человека, который стал бы искать впечатления ярко-желтого на басовых клавишах

рояля".

В другом литературном произведении [Кандинский](#) вспоминает свои детские впечатления от Москвы в
предзакатный час:

"Солнце плавит всю Москву в один кусок, звучащий как туба... Розовые, лиловые, белые, синие, голубые, фисташковые, пламенно-красные дома, церкви — всякая из них как отдельная песнь — бешено зеленая трава, низко гудящие деревья, или на тысячу ладов поющий снег, или голые ветки и сучья, красное, жесткое, непоколебимое, молчаливое кольцо кремлевской стены..." И далее, о музыке Р. Вагнера: "Лоэнгрин же показался мне полным осуществлением моей сказочной Москвы. Скрипки, глубокие басы и прежде всего духовые инструменты воплощали в моем восприятии всю силу предвечернего часа, мысленно я видел все мои [краски](#), они стояли у меня перед глазами... Каждое произведение возникает и технически так, как возник космос — оно проходит путем катастроф, подобных хаотическому реву оркестра, выливающемуся в конце концов в симфонию, имя которой музыка сфер".

О звучании [красок](#) писал французский поэт-символист А. Рембо, однако не менее важна эмоциональная связь слова, [цвета](#) и определенного настроения, которое могут вызвать в одних случаях конкретно-зрительные, а в других — отвлеченные [образы](#).
Именно так описывал дачную беседку с [цветными](#)
стеклами В. В. Набоков:

"В небольших ромбах белых оконниц были [разноцветные](#) стекла: глядишь, бывало, сквозь синее, — и мир кажется застывшим в лунном обмороке, — сквозь желтое, — и все весело чрезвычайно, — сквозь красное, — и небо розово, а листва, как бургундское вино"

